

* * *

Я стоял на коленях у могилы и не сразу вспомнил, кто я такой. У меня не было никаких воспоминаний о моем собственном существовании во время этого последнего набора воспоминаний. Все, что чувствовала Киджимута-сан, чувствовал и я. Вернее, я был Киджимутой-сан в тот период ее жизни, во всех ее смыслах и целях.

Этот опыт, безусловно, пролил некоторый свет на то, что толкнуло молодую девушку к самому краю - ряд элементов, которые составляли ее обстоятельства и ряд неудач, которые сформировали то, как она смотрела на себя и окружающий мир.

Однако то, что я стал свидетелем этих событий, ничего не решало. Могу ли я что-нибудь сказать Киджимуте-сан в это время, что-то, что действительно заставит ее почувствовать себя лучше? Что вы скажете тому, кто уже потерял всякую надежду? Я уже говорил ей, что в трагедиях нет ее вины, и в глубине души она это понимала. Что ей нужно было услышать?

«Ты все видел, не так ли? - спросила она. - Ты чувствовал то же, что и я».

- Так и было. Но я не собираюсь притворяться, что понимаю тебя.

«Что ты имеешь в виду? Ты эксперт по призракам...»

- Но на самом деле ты ищешь эксперта по Киджимуте-сан. Я не тот, кто тебе нужен. Ты единственная, кто может все уладить.

«Но я не знаю, что делать! Все, что я пытаюсь сделать, ведет меня в никуда. Куда мне теперь идти? Для меня вообще что-нибудь осталось?»

Я встал и закрыл глаза, чтобы сосредоточиться только на призраке в моей голове.

- Киджимута-сан, я не собираюсь убеждать тебя, что ты не несешь ответственности за причинение страданий всем, с кем общаешься. В конце концов, ты явно была связана с большим количеством несчастий за последние пару лет. Начнем с того, что ты была закрытым человеком, который никогда никому не помогал. А потом умерла твоя кузина. Твой сосед умер. И твоя бабушка умерла. Потом ты покончила с собой. Ты преследовала своих родителей. Ты преследовала старика. И ты преследовала меня.

Это, кажется, объясняет почти все, верно?

«Я ничего такого не хотела. Я просто ... ужасна. Я такая ужасная».

- Ничего страшного.

Именно это я и хотел сказать. Это не много, но это казалось правильным.

«Нет, это не так. Как это может быть нормально, быть таким ужасным, проклятым существом?»

- Какая разница, если ты ужасная? Многие люди ужасны.

«Я не хочу быть ужасной. Я никогда не хотела быть ужасной».

- Не думаю, что многие люди стремятся быть ужасными. Но некоторые из нас просто имеют тенденцию не больше, чем другие. Мы стремимся к успеху, но многие ли из нас действительно достигают всего, чего мы надеемся достичь в жизни? Это действительно не имеет большого значения, если тебе не удастся абсолютно все. Это нормально быть жалким бездельником. Это нормально быть ужасным.

«Ты несешь чушь, Наоки-кун... никто не хочет, чтобы я была ужасной. Я должна исправить свои ошибки. Мне нужно все исправить».

- Ты не можешь все исправить! Никто не может сделать все лучше. Ты должна просто сделать все, что в твоих силах. Если ты не хочешь вечно стремиться к одному и тому же, переходи к чему-то другому. Это то, на что ты действительно надеешься, не так ли? Ты пытаешься улучшить себя, верно? Этого достаточно.

«Нет, это не так. Пытаться быть хорошим недостаточно. Никому это не понравится. Люди, которые умерли, не могут принять это...»

Я крепко сжал кулаки.

- Ты действительно думаешь, что твоя кузина, сосед или бабушка затаили бы на тебя злобу за то, что ты сделала? Отвечай честно, Киджимута-сан.

Она молчала дольше, чем я надеялся.

«Я... я думаю, они должны затаить на меня обиду».

- Киджимута-сан! Кто-нибудь тебя в чем-то обвиняет?"

Мое тело слегка дрожало. Это я или Митико? Я чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы, а желудок сжимается в комок.

«Нет, - прошептала Дух-сан. - Они ... пошли дальше».

- Совершенно верно. Их духи ни на мгновения не винили тебя в их смерти, независимо от роли, которую ты играла во всем этом.

«Но это было неправильно. Мне было так жаль их. Я должна была что-то для них сделать».

- Тут никто не может ничего сделать. Это... то, с чем каждый может столкнуться, когда умирает кто-то, кого он знает.

«Может, они и не ненавидят меня... но мои родители ненавидят. Я преследовала своих родителей. Я сделала это сама. В этом не было ничего естественного».

- Ты действительно думаешь, что твои родители ненавидят тебя, Киджимута-сан?

Я открыл глаза и уставился на чашу рядом с надгробием. Родители Киджимуты-сан утверждали, что она содержит духовные целительные свойства.

«Я... я не знаю».

- И поэтому ты существуешь, - ответил я. - Вот почему ты призрак, Киджимута-сан.

Я поймал себя на том, что слегка наклонился вперед и крепко сжал руки - ошеломляющая реакция Киджимуты-сан на осознание того, к чему она пришла.

«На самом деле я их не ненавидела, - закричала Киджимута-Сан. - Узнав, что бабушка умерла, я в ту же ночь отправилась на озеро. Я ничего не сказала. Я даже не попрощалась».

Я так усложнила им жизнь, что просто ушла, не сказав ни слова. После всего, что я с ними сделала, они, вероятно, переехали куда-нибудь как можно дальше отсюда. Они, наверное, уже на другом конце страны».

Это, конечно, возможно, но у меня было чувство, что я точно знаю, где сейчас родители Киджимуты-сан.

- Но тебе нужно увидеть их снова.

«Мне нужно попрощаться с ними... не так ли?»

Я восстановил контроль над своим телом, но продолжала нежно держать руки, как можно ближе к груди, чтобы успокоить плачущего призрака.

«Наконец-то я могу им сказать. Я могу рассказать им все. Но... если я это сделаю, что тогда

произойдет?»

Мне не нужно было быть экспертом по призракам, чтобы знать ответ на этот вопрос. Если основополагающий вопрос, стоящий за задержкой Киджимуты-сан, будет решен...

Что ж, ей тоже придется со мной попрощаться.

Но в этом не будет ничего плохого, верно?

Ответ должен был быть очевидным, но мой разум каким-то образом вытягивал пустоту. Киджимута-сан нуждалась в решении, и сейчас настало время найти его. То, что она чувствовала ко мне, сейчас не имело значения - ее привязанность ко мне была только потому, что она была призраком, в конце концов.

И все, что я мог чувствовать к ней... это тоже не имело значения. Последние несколько дней были по меньшей мере интересными, но не было причин затягивать существование призрака дольше, чем это было необходимо. Было бы неправильно с моей стороны не помочь Митико обрести покой.

«Наоки-кун... Неужели это все?»

Так и будет. Киджимута-сан перестанет быть призраком. Я никогда больше не услышу ее голос в своей голове. И все непредсказуемые переживания, которые сопровождали это присутствие, также рассеялись бы.

Что я должен был чувствовать по этому поводу? Я должен был радоваться, что наконец-то вернусь к своей обычной повседневной жизни. Но я не мог не задаваться вопросом, действительно ли я этого хотел. В конце концов, мне не нравилась такая жизнь. И хотя время, проведенное с Киджимуты-сан, было довольно тягостным, было что-то отрадное в том, как она всегда верила в меня, несмотря на то, что у нее не было никаких причин доверять мне. Было приятно думать, что кому-то небезразлично все, что я делаю. Когда в последний раз я чувствовал, что у меня есть резонная причина вставать по утрам?

Не было смысла думать об этом дальше. Мое время с Митико никогда не должно было длиться долго. Пришло время оставить мои бесцельные воспоминания и позволить Киджимуте-сан принять решение, которого требовала ее душа.

- Извини, я задумался. Мы должны уйти отсюда.

* * * *

Я поднимался по горной тропе и каждые несколько минут задавался вопросом, не слишком ли быстро я иду или слишком медленно. Мое сердце говорило, что мне нужно притормозить. Обдумать все более тщательно. Просто полностью развернуться. Но мой разум знал лучше. Мне нужно было ускорить темп. Чем скорее мы с этим разберемся, тем лучше. Это, вероятно, было жестоко с моей стороны, и мне было неприятно думать, как Киджимута-сан может относиться к моему немедленному решению. Но это было необходимо.

Это было ради нее. Я должен был повторять себе это.

«Куда мы идем?» - спросил призрак в моей голове.

Я медлил с ответом.

- Думаю, ты уже знаешь, Киджимута-сан.

Я пошел по тропинке, отдельной от той, что вела к месту гибели Исэки-сан. До затворнической пещеры, в которую я направлялся, было еще далеко.

«Ты имеешь в виду... но откуда ты знаешь? Откуда ты знаешь, где они?»

- Я был тобой, Киджимута-сан. Я просто знаю, - на этом склоне снег был скользким, поэтому мне пришлось подниматься немного медленнее. И так же тщательно, мне пришлось выбрать правильные слова, чтобы сказать. Я не мог отступить и не мог позволить это Киджимуте-сан.

- У твоего отца был дом вдали от дома, - сказал я. - Этот вопрос подняла твоя мать во время воспоминаний, вызванных суповой миской. Ты знала о пещере, о которой она говорила, с тех пор, как сама там побывала, так что это место пришло тебе на ум еще тогда.

Я думал об этом еще на кладбище.

«Это несправедливо, Наоки-кун...»

Больше она ничего не сказала. Как будто она была слишком измучена, чтобы протестовать, умолять об изменении планов, дать выход своим разочарованиям или даже попытаться снова взять под контроль мое тело.

А может, она просто смирилась со своей судьбой. Она знала, что нужно сделать, и действительно, именно для этого ей с самого начала был нужен эксперт по призракам.

Я поднимался все выше и выше, и каждая минута изматывала меня волнами мыслей, перебивавших друг друга. Мои глаза пробежались по замерзшим камням и деревьям, скалы смотрели на меня из-под приглушенных пепельно-белых слоев снега.

«Наоки-кун... не знаю, стоит ли мне это делать».

Я нашел большую обгоревшую полоску коры, которая отмечала место, где мне нужно было свернуть с того подобия тропинки, что оставалось в этом месте. Пещера была недалеко отсюда.

- Почему это?

«Я не знаю, что произойдет. Я боюсь».

- Все в порядке, - сказал я. - Я тоже боюсь.

«Что будут делать мои родители?»

- Понятия не имею, - хотел бы я сказать ей что-нибудь более позитивное.

«Они поймут, когда ты скажешь им, что я здесь? Смогу ли я сказать им... что мне нужно?»

- Ты найдешь способ добраться до их сердец, Киджимута-сан. Я буду рядом, чтобы помочь тебе.

«Наоки-кун... что будет дальше?»

Я продолжал идти вперед, толкая замерзшие ноги по снегу.

«После того, как я поговорю с родителями... если они вообще здесь... если они хотя бы выслушают... если что-нибудь случится... что тогда? Мне вообще нужно будет... существовать?»

В этот момент стало ясно, какая привязанность связывает Киджимута-сан с этим миром, как с духа, поэтому она должна была понять, какая судьба ждет ее. Это была судьба, далеко не такая плохая, как та, на которую она надеялась, когда впервые составила свой странный план. Но все же, это была судьба, которая отмечала жизнь тут от загробной жизни, которую она пережила как призрак. Это была печальная судьба, но в конечном итоге хорошая. Или, по крайней мере, это была естественная судьба.

- Это твоя судьба и твое решение, - сказал я. - Но не только твоя... ведомая твоими мыслями и чувствами. То, кто ты есть, я верю, определит, что произойдет дальше.

«Я не знаю ... это действительно зависит только от меня?»

Я не мог ответить. То, что сделали бы родители Киджимуты-сан в ответ на ее приезд, конечно, повлияло бы на ситуацию, но я был полон решимости все исправить. Если есть шанс изменить эту серию трагедий, я должен им воспользоваться.

Миновав еще одну густую рощу, я увидел пункт нашего назначения. Пещера была хорошо скрыта, ее маленький вход был покрыт большой, замеченной снегом плитой из темного толстого дерева. Если бы я не знал, что искать, мои глаза, скорее всего, посмотрели бы прямо на нее, и я бы никогда даже и не заметил место, которое стало скудным, временным домом для родителей-отшельников Киджимуты-сан.

Мне потребовалась минута, чтобы отдышаться. Некоторое время я упорно поднимался по склону горы, почти не думая о том, какую боль это причиняет моему измученному телу. Теперь думать было не о чем, и молчание Киджимуты-сан, казалось, подтверждало, что она тоже не собирается отступать. Это было время, чтобы довести это дело все до конца.

Все шло к концу. Мне вспомнились слова Киджимуты-сан: «Не знаю, стоит ли мне это делать. Я не знаю, что произойдет. Я боюсь».

Киджимута-сан собирался оставить меня. Я знал это, но почему-то теперь это значило нечто большее. Теперь, когда я был здесь, на грани невозврата...

Это был не просто голос в моей голове, который собирался уйти. Это был кто-то... кто любит меня. Разве это ничего не значит?

Киджимута-сан собиралась уйти от меня ... но ведь это я заставил ее уйти, не так ли?

И я собирался пройти через это. Все страдания, которые накопились в душе Киджимуты-сан, со временем станут только хуже. И углубляющаяся привязанность, которая увековечивала ее призрачное состояние, будет только продолжать вызывать новые трагедии. Я не был экспертом по призракам, который мог бы исполнить желания Киджимуты-сан. И я не был человеком, на которого можно было положиться в поддержании хоть какого-то подобия радостного настроения. Покой, в котором нуждался этот дух, и решимость, которой жаждали Киджимута-сан и ее родители - это все, на что я мог надеяться.

Мы все должны были двигаться дальше.

* * *

Я шагнул к двери, закрывающей вход в пещеру, но остановился, услышав отдаленный звук шагов по снегу. Поняв, откуда доносится звук, я обернулся и увидел вдалеке две фигуры. Мужчина и женщина поднимались по тропинке между деревьями.

У мужчины были действительно растрепанные длинные волосы, а одет он был в причудливо залатанное кимоно и куртку. У женщины рядом с ним были вьющиеся волосы и кимоно, украшенное разнообразными талисманами, привязанными к поясу. Каждый из них нес

небольшой мешок с товарами, хотя отсюда было неясно, что находилось в мешках.

Я остался стоять на месте. Я не мог пошевелиться. Киджимута-сан не могла пошевелиться. Мы просто стояли. Мы ждали. И мы едва могли дышать.

Заметив чье-то присутствие у входной двери, отец и мать Киджимуты посмотрели в нашу сторону и остановились.

Но только на мгновение.

Они бросили все, что держали, и побежали прямо на нас. Отец и мать спотыкались на снегу, но добрались до нас одновременно. У меня не было времени ни на реакцию, ни на слова. Они просто обняли меня и выкрикнули ее имя.

- Митико-тян... Митико-тян!

Я положил одну руку на плечо матери, а другую - на плечо отца. Я крепко сжал их и закрыл глаза. Они сразу узнали ее.

«Мама... Папа...»

Больше нам нечего было сказать. Мы просто продолжали обниматься, и я принял излияние любви к их дочери.

- Это действительно ты, Митико-тян, - прошептала мать.

- Наконец-то ты пришла, - сказал отец. - Каждый день мы ходили на кладбище, надеясь увидеть тебя хотя бы раз... хотя бы сказать, что сожалеем. И теперь ты здесь, на нашем пути домой...

Я не мог сдержать слез, так как Киджимута-сан увидела правду в этих словах. Из упавших мешков вывалились остатки благовоний, рис и другие товары.

Родители Киджимуты-сан посещали могилу каждый день все это время, помещая подношения в чашу, специально созданную с исцеляющими, духовными свойствами. Ее родители не убежали в страхе - они остались в печали, надеясь исправить ошибки, которые совершили, не отличаясь тем самым от самой Митико. Как я и предполагал, они никогда не заходили слишком далеко. Они не могли просто бросить деревню, где все еще жила измученная душа их умершей дочери.

И когда родители Киджимуты-сан крепко прижали меня к себе, я не мог не почувствовать, как моя собственная усталая душа каким-то образом воспарила, мои отношения с родителями жаждали исцеления, разрешения или даже просто признания.

Боль Киджимуты-сан казалась реальной, но чувства, проходящие через меня сейчас - что бы это ни было - казались еще более реальными.

- Мне так жаль, Митико-тян, - сказала мама. - Мы не знали... мы никогда не понимали, как сильно ты страдала.

- Прости, дочь моя, - сказал отец. - Я сожалею... я сожалею обо всем. Мы могли бы сделать что-то большее. Мы могли бы сделать больше.

Киджимута-сан ослабила мою хватку, скорее выдохнув, чем оттолкнувшись от родителей. Затем она говорила через меня, или я говорил слова, которые она хотела сказать.

- Нет, это я хотела извиниться. Я только ушла от вас и даже не попрощалась. А потом я преследовала вас. Я заставила вас плакать. Я заставила вас страдать. Я не хотела этого делать, но я сделала, так что, возможно, я действительно хотела это сделать. Я хранила всю боль внутри себя все эти годы, и я просто потерялась в ней. Я действительно... действительно... ужасная дочь.

Отец нахмурился так свирепо, что я чуть не попятился от удивления.

- Митико-тян, ты помнишь, что я говорил тебе об этом слове, «ужасный»?

К моему удивлению, я вспомнил. Когда Киджимута-сан была еще ребенком, ее высмеивали за то, какой она была, за то, что жила ненормальной жизнью со своими ненормальными родителями. Некоторые ровесники называли ее ужасной, и она плакала, когда возвращалась домой.

Киджимута-сан ответила на слова отца.

- "Ужасно" - это просто слово, которое используют сварливые люди, когда на самом деле они хотят сказать совсем другое.

- И в этом нет ничего плохого, - сказал отец.

- Мы ни в чем тебя не виним, Митико-тян, - добавила мама. - Ты всегда старалась изо всех сил. И мы всегда будем принимать тебя такой, какая ты есть на самом деле.

Я только сильнее заплакал.

- Даже после всего, что я сделала... вы будете рады меня видеть? Вот так просто?

- Нам не нужно видеть, - сказал отец. - И даже если ты обладаешь кем-то, я не думаю, что ты должна что-то делать. Ты можешь рассказать нам все, что тебе нужно, Митико-тян.

- Я... я не хотела причинять вам боль. Но мне было так больно. То, как вы меня вырастили... больно быть другой! Это было очень больно... вы, наверное, знаете это. Но мне не нравилось, кто я. Я была расстроена всем, что было во мне. Как я росла. Всем, что связано со мной. Я вела себя так, будто меня все устраивало, но в глубине души я презирала вас. И я просто скрывала это. Но потом, после всего этого, после всего, через что я прошла...

Я задыхался, мое горло сжималось с каждым выдавливаемым словом.

- Я все еще любила вас. Вы всегда старались меня вырастить. Даже несмотря на трагедии... вы всегда хотели утешить меня... по-своему. Вы всегда любили меня.

Я жалобно всхлипнул, и родители Киджимуты-сан взяли меня за руки: мать держала меня за правую руку, отец - за левую.

- Мы всегда будем рядом, - сказала мама. - Не важно, куда ты пойдешь с этого момента... мы будем здесь для тебя.

И этого было достаточно. Я поймал себя на том, что отпускаю ее и делаю шаг назад, то ли по собственной воле, то ли из-за Киджимуты-сан, но Митико осталась стоять на месте, держась за родителей. Возможно, из-за того, что ее привязанность была удовлетворена или из-за подношений, принесенных родителями, или из-за того, что мы все только что пришли могилы, но мы все могли видеть Киджимуту-сан: простой, бесцветный дух ее прежнего "я".

Она была видимым духом, точно так же, как вчера на лодке у озера, когда она рассказала мне, как умерла. Когда она сказала, что любит меня. Просто за то, что я провел с ней немного времени и был немного мила с ней, она сказала мне это. И теперь она собиралась уйти. Просто так.

Я вытер лицо насухо и встал в стороне от духовного воссоединения. Митико отпустила руки родителей и вытерла лицо. А потом улыбнулась.

- Я чувствую себя... хорошо. - Она засмеялась, совсем чуть-чуть. - Я снова чувствую себя живой. Даже больше, чем при жизни. Я могу... принять все, что произошло. Думаю, со мной все будет в порядке.

-Я рад, что мы смогли увидеть тебя еще раз, Митико-тян, - сказал отец.

- Пожалуйста... найди место, где ты сможешь продолжать улыбаться, Митико-тян, - добавила

ее мать.

- Я буду скучать по вам, - сказала Киджимута-сан. - Я не хочу прощаться, но ... для этого я и стала призраком...

Ее дух задержался на этом моменте. Готова ли она пройти через это? Я беспокоился о том, что произойдет, если она решит остаться, предполагая, что это вообще возможно в данный момент.

Киджимута-сан посмотрела на меня, все еще слегка улыбаясь.

- Ты будешь помнить меня, Наоки-кун? Даже через сто лет?

- Не думаю, что проживу так долго, - сказал я. - Но как бы долго это ни продолжалось, я сомневаюсь, что это вообще возможно забыть.

- Но ты же все время имеешь дело с призраками, верно?

- Ты - особый случай, Киджимута-сан.

Она рассмеялась.

- Значит, время, проведенное со мной, было другим?

Я улыбнулся.

- По разному, да. Но, конечно, не ужасным.

Киджимута-сан облегченно вздохнула и низко поклонилась.

- Спасибо за помощь, Наоки-кун. Я рада, что провела с тобой свои последние дни.

Я поклонился в ответ, а Киджимута-сан повернулась, чтобы поклониться родителям.

- Я люблю тебя, мама. Я люблю тебя, папа. До свидания.

Каждый из них сказал свои прощания.

И Киджимута-сан исчезла. В последний момент, когда я ее видел, она улыбалась.

В моей голове больше не было голоса.

Полная тишина.

<http://tl.rulate.ru/book/23951/502195>